

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Революционное государство, с тысячами сохраненных памятников и с сотнями музеев, считало возможным подойти к ним, как к листу белой бумаги, на которой можно написать то, что надо, и так, как надо.

А.М. Эфрос. «Музейное дело в Советской Республике»

Революционные события сделали неизбежным появление такой организации, как Музейный фонд, дать однозначную оценку которому практически невозможно. Отношение к нему менялось от исключительно положительного, в стиле «они все спасали» в советский период, до иногда резко негативного позднее. Пытаясь осмыслить результаты его работы, на наш взгляд, необходимо учитывать несколько факторов: изменение задач, которые ставились перед ним, а также, что может быть еще важнее, общие процессы в музейном деле, происходившие в это время в стране.

К тому же деятельность фонда носила зачастую весьма сумбурный характер. Сейчас довольно трудно объяснить передачу раритетов в пользование различным учреждениям. Упреки и даже обвинения в «разбазаривании» экспонатов в адрес организации, касающиеся этой стороны их труда, оправданы, но хотелось бы отметить пару важных моментов. Через Музейный фонд проходило *все* экспропрированное имущество, включая постельное белье, а главное, сотрудники зачастую просто не могли объективно оценить действительную ценность поступавших в их распоряжение артефактов. Для этого было необходимо слишком большое количество специалистов в разных областях. Особенно это актуально для произведений искусства стран Востока, а также этнографических предметов. Руководство фонда, понимая это, старалось привлекать приглашенных экспертов из других организаций. Еще до Октябрьской революции, в августе

1917 г., Академия наук поручила принять участие в работе Художественно-исторической комиссии ординарным академиком Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому и Михаилу Ивановичу Ростовцеву [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 12]. Какое-то время работал в Музейном фонде этнограф и специалист по Средней Азии Самуил Мартынович Дудин. Но в целом критерии оценки этнографических артефактов, а зачастую и не только их, носили явно субъективный характер.

Кроме того, отсутствовал точный, определенный статус музейного экспоната. Академик Ольденбург, полагавший, в след за Б.Ф. Адлером, что любая вещь, попавшая в музей, становится «научно-музейным объектом», в мае 1928 г., когда Ленинград должен был посетить король Афганистана, обратился в Музей Города с просьбой выдать для приема афганского короля фарфоровый сервиз [ЦГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 213. Л. 77]. **В служащие Музея Города** 5 мая 1928 г. выдали для приема короля сервиз и три скатерти с вензелями [ЦГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 213. Л. 78, 79]. Этот вопиющий, с современной точки зрения, случай имеет, на наш взгляд, довольно простое объяснение: и для Ольденбурга, и для музейных работников дворцовый сервиз и скатерти оставались просто дорогими и ценными «вещами современной работы», которые еще не так давно использовала по прямому назначению вдовствующая императрица.

Не было тогда и точного представления о ценности национализированных коллекций как сложившихся комплексов, дающих представление о личности собирателя и его эпохи, а иногда, что не менее интересно, позволяющих проследить вкусы и предпочтения нескольких поколений, формировавших единое семейное собрание. Оценка частных коллекций зачастую была пристрастной, полностью зависящей от мнения небольшой группы экспертов. Наиболее резко, хотя и ярко, это выражено в описании Луначарским комнат последнего императора: «Безвкусные покои Николая II. Чего в них только нет! Какой-то пестрый ситец и всюду развешанные фотографические карточки, — ни дать, ни взять, как в комнате первой горничной какой-нибудь миллионерши.

Тут и распутинский уголок, заставленный раззолоченными иконами, тут и какие-то необыкновенные ванны и колоссальные диваны, и весьма странно разубранные «уборные», наводящие на мысль о грубой животной чувственности, тут и базарная мебель, та самая, которую обставляют свой дом разжившиеся выскочки без роду и племени, покупая всякую рухлядь, какая понравится их одичалому вкусу» [Луначарский 1941: 488].

Во многом был с ним согласен Александр Бенуа, полгавший, что наиболее безвкусны покои Николая Пв Александровском дворце Царского Села и Александра Шв Аничковом дворце, а «Например, чудесные, устроенные Камероном Екатерининские интимные комнаты в Царском революция застала наполненными самой мещанской обстановкой императрицы Марии Александровны» [Бенуа 1923: 25]. Бенуа отмечал, что большинство хранителей созданных домов-музеев старались сначала все исправить и улучшить (в действительности подстроить экспозицию под свой личный художественный вкус), а лишь затем пришло понимание и желание воссоздать интерьеры по старым описям [Бенуа 1923: 25].

При этом очень показательна история самих домов-музеев. Понимая, что музей как частное собрание не может подходить под критерии, предъявляемые советским руководством, дома-музеи повсеместно стали провозглашаться музеями быта, становясь отчасти музеями *этнографии города*. Первым эту особенность заметил С.Н. Тройницкий: «Возможно, что уже теперь, когда еще не осуществлена фактически идея бытового музея, надлежало бы поставить вопрос, не уместно ли было бы рассматривать бытовой музей как секцию и отделение музея этнографического, поскольку бытовой музей отражает более или менее верно черты быта определенных сословий или определенной среды (напр. городской)» [Тройницкий 1923: 23]. Ближе всех, на наш взгляд, к воплощению идеи музея этнографии города оказался Музей Города в Аничковом дворце. Первая половина 1920-х годов — это, в целом, эпоха большого музейного эксперимента. Многие из замыслов того времени остаются актуальными до сих

пор, другие также актуальны и сейчас, но уже совершенно по другой, негативной причине.

Новые революционные власти не только полагали отмененными права частной собственности на художественные и исторические ценности, но и пересмотрели права музеев на собственные собрания. Последствия этой «музейной революции» середины 1920-х годов, требовавшей узкой специализации центральных музеев, ощущаются до сих пор. Ими был запущен процесс массовых передач экспонатов, продолжавшийся где-то до конца 1950-х годов. Сама Седова-Троцкая, стоявшая у истоков музейных реформ, уже давно была в Мексике, а музейные коллекции продолжали дробиться, сортироваться и перераспределяться, теряя зачастую важную сопроводительную информацию и создавая путаницу в учетной документации. А самое главное, уничтожались собрания как исторический комплекс, имеющий большую значимость именно как единое целое. Любопытно, что настоящую финансовую цену неразделенному собранию понимали государственные «торговцы антиквариатом», продавшие целиком имущество дворца Палей и пытавшиеся реализовать убранство Строгановского дворца [Соломаха 2015: 28].

С точки зрения историка, фактически таким комплексом стал после революции и сам Музейный фонд, созданный при Керенском и ликвидированный при Сталине, сыгравший значительную роль в музейном строительстве советского государства, пополнивший запасники и экспозиции многих музеев, а также и государственную казну.